

АртКурьер

Шеф-редактор **Наталья БАЛАШОВА**

Впечатления

У последней черты

Наталья БАЛАШОВА

Об этом спектакле мне довелось так много сказать предварительно, когда еще шли репетиции - интервью с режиссером, актрисой, балетмейстером, продюсером постановки, - что, кажется, уже ничего более не прибавишь. Но одно дело - замысел устами его создателей, другое - результат глазами зрителя.

Итак: Евгения Симонова в моноспектакле «Анна Каренина» по роману Льва Толстого. Авторы постановки: Андрей Эшпай (режиссер), Сергей Якунин (художник), Михаил Лавровский (балетмейстер), Андрей Леденев (композитор). Осуществлен спектакль театральным агентством «Богис». Первые премьерные показы, как проба пера, прошли в ДК «Подшипник» и Театре на Таганке в апреле. Потом была пауза. 25, 26 и 28 мая премьеры играются в Театре им. Вл. Маяковского. Родном театре Евгении Симоновой. Тут уж не может быть скидок на волнение первых встреч со зрительным залом, непривычности «чужой» сцены.

Кажется, уже на первых спектаклях зрительный зал раскололся на «за» и «против». Главный вопрос: Анна или не Анна Евгения Симонова. С моей точки зрения, вопрос праздный. Ни режиссер, ни актриса (и я как раз приводила по этому поводу их слова) задачу сыграть Анну, написанную Львом Толстым, себе не ставили. Задача была донести до сознания зрителей тот душевный трагический надлом, который толкнул героиню романа под колеса поезда. «Играю не Анну, а внутренний образ ее мучений и поисков», - сказала тогда, в канун премьеры, Евгения Симонова. И, как во всяком случае мне это видится, актриса продолжает настаивать на этом своей игрой. О внешнем сходстве и говорить не приходится. Тоненькая, хрупкая фигурка, изящная головка с короткой стрижкой светлых волос не дает и намека на описанный Толстым облик Анны Аркадьевны Карениной. Но душа... истерзанная, мятущаяся, сама себя успокаивающая и вновь впадающая

в черную бездну сомнений, ревности, отчаяния... Ох, уж эта русская загадочная душа - вечная неразрешимая шарада для иностранцев!

В белой кипении тюля и кружев, то ли уже на облаках в небесной юдоли, то ли в мечтах о светлом и чистом детстве - своем и собственных детей, - кружит, кружит, не находя исхода, одинокая, уязвленная душа. «Ощущение глобального одиночества, которое возникло у меня на первых репетициях, продолжает возникать и теперь, ложится на тему одиночества Анны и тем самым отчасти помогает входить в образ», - это тоже слова Евгении Симоновой, прямой ответ тем, кто говорит «не Анна».

Держать в одиночестве более полутора часов в напряжении зал -

задача не для слабых. Актриса держит. Ведет мысленный диалог с мужем и Вронским - их присутствие заменяют ей вицмундир Каренина и эплеты Вронского, играет куклой, вспоминая детей, на белом призрачно-реальном самокате устремляется к Долли, которая, конечно же, должна рассеять ее тревогу. А откуда-то из глубины, будто из собственной ее души, возникает и плывет, все тревожней, все нарастая, отдающий металлом звук, окутывает ее, и эти белые облака, и медленно кружащуюся над ними беседку.

Раскинув руки, актриса ложится на ступени беседки, и только тут, ударом молнии, пронзает сознание: ступени смотрятся шпалами железнодорожного полотна.

Анна мысленно уже легла на рельсы. Нет, ее сознание еще будет сопротивляться, а руки машинально станут вертеть кусочек игрушечного полотна - тонюсенькие палочки-рельсики, щепочки-шпалы, такие легонькие, что в забытии она причешет ими волосы, как гребнем. Почему именно эту странную игрушку положила она вместе с куклой в дорожный сундучок, отправляясь в Обираловку? Что это: рок, предопределение свыше? Где-то там, помимо нее, уже была решена ее судьба? Разве нужен ответ? Ведь все равно последний шаг в вечность сделает она сама. От безысходности, отчаяния, неверия в любовь - не все ли равно. Бешеный вихрь эмоций и мгновенная тьма...

Фото Николая ЗВЯГИНЦЕВА.